

ЮЛИЙ
КИМ

О ЮРИИ АЙХЕНВАЛЬДЕ

Есть в Москве дома, где двери всегда нараспашку, вечно толчется народ, а по семейным и общечеловеческим праздникам и датам набивается жуткая прорва гостей и стоит общий гвалт, равный по плотности табачному дыму, сложащемуся, как торт «Наполеон». Это обычно актерские квартиры, мастерские художников или учительские жилища. Айхенвальд и жена его Валерия Михайловна как раз и есть представители той породы настоящего русского учительства, которая образовалась, наверно, еще в те, столетней давности, времена, когда разночинная российская интеллигенция пошла в народ с высокой культурно-просветительской миссией — врачи, агрономы, учителя. Вот и наши «Айхи» (как мы все, друзья и знакомые — нас сотни! — их величаем) — вот они и есть просветители по своей натуре и призванию, и именно таким, как они, наша несчастная средняя школа обязана тем, что хоть какая-то частица настоящего знания и культуры в ней сохранилась.

А выпало Юрию Айхенвальду жить в жестокое время, для просветителей опасное. Из его 60 лет, я думаю, наберется чуть больше десятка относительно спокойных, безоблачных. Ему было пять лет, когда в начале 30-х взяли

его отца — профессор бухаринской школы, он был обречен. В 41-м его расстреляли.

Сын поступил в ремесленное, затем в вечернюю школу, всю войну проработал на военном заводе. Затем — в 47-м уже — пединститут, на втором курсе которого его по доносу соседки арестовывают и отправляют в карагандинскую ссылку, как «врага народа». Этого, видно, показалось мало, и через два года его взяли уже в ссылке, и в конце концов, оказался он в знаменитой Ленинградской спецпсихбольнице, где немало славного (и вполне здорового) народу перебивало — и при Сталине, и после. Там, например, познакомился Айхенвальд с Александром Асарканом — имя этого блестящего театрального критика хорошо было известно Москве 60-х годов.

В стихах поэта живет его биография; я бы даже сказал, что стихи поэта живут его биографией. Моя биография до самых последних лет меня только дискредитировала, так же, как и вся история моей семьи: в течение нескольких десятилетий мой дед и отец считались одиозными фигурами.

Дед мой, Юлий Исаевич Айхенвальд, известный литературный критик, в 1922 году был выслан за границу. Его хвалебный очерк об Н. Гумилеве в книге «Поэты и поэтессы» (1922 г.) вызвал гнев Л. Д. Троцкого, назвавшего деда «подколотым эстетом» (статья «Диктатура, где твой хлыст?», «Правда» № 121, 1922 г.). Эта статья послужила сигналом для высылки целой группы интеллигентов, — в их числе были философы Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Франк, — но посвящена она была целиком Ю. И. Айхенвальду. Хотя Троцкий попал в опалу, правильность вы-

свобождения он в 55-м, и с той поры и пошли для них с женой относительно безоблачные годы — сначала в Московском педагогическом, а там и в школе. Это, повторяю, были природные учителя, и великое множество их близких и знакомых как раз и состоит, главным образом, из их выпускников. Естественно, когда начались выступления интеллигенции в защиту прав человека в СССР, Айхенвальд не остался в стороне, и потому с 68-го года он в школе не работает. Являясь членом Московского группы литераторов, живет литературным трудом. Это ему все-таки оставили.

Он писал всегда. Еще с 44-го года, когда был членом литкружка. В безоблачное время публиковался нередко и разнообразно. В его переводе, например, на сцене «Современника» пошел в свое время «Сирано де Бержерак», где в главной роли блистал М. Казаков. Позже вышли солидные книги об Остужеве, о Сумбатове-Южине. Ждет своего часа и многолетний его труд — «Дон Кихот на русской почве».

И всегда он писал стихи. И пишет. Его лирика отличается особым голосом, что по нашим временам редкость. Наш средний широко тиражированный поэт и лексически и стилистически однообразен до бесцветности. Индивидуальностью тона мало кто отличается.

Айхенвальд отличается. Это сразу слышишь, когда читаешь. Столь длительное и непрерывное противостояние несвободе выработало этот, то срывающийся, то насмешливый, то задушевный, всегда — абсолютно искренний высокий баритон.

Две книги его стихов вышли — нет, не у нас. Что ж, не он первый, не он последний. Известно: нет пророка в своем отечестве. В нашем случае правило это распространяется и на многие другие категории лиц, для отечества весьма полезных. Но теперь настала пора Больших Надежд.

сылки этих интеллигентов до самого последнего времени сомнению не подвергалась.

Мой отец, Александр Юльевич Айхенвальд, член РКП (б) с шестнадцати лет, был «красным профессором», принадлежавшим к бухаринской школе. Его книга «Советская экономика» за два года была переиздана пять раз. В 1933 году его, двадцатидевятилетнего, арестовали, а в 1941 году он был расстрелян в Орловской тюрьме.

Тридцатые годы были трагическими не только для отца и матери, но и для всех, кто носил нашу фамилию. Даже в 1947 году меня не взяли в Московский университет, хоть я и кончил школу с золотой медалью, за то, что — как мне доверительно сообщили — я был в родстве с «группой арестованных Айхенвальдов». В 1949 году арестовали и меня. В 1955 году я был реабилитирован.

Драма российской интеллигенции, как партийной, так и далекой от марксизма, была моей семейной драмой и продолжилась в моей биографии. Естественно, что это — одна из важных тем моих стихов. В свое время я и стал из-за этого преимущественно «самиздатским» поэтом. По-видимому, сейчас это время прошло.

О СЕБЕ

ЮРИЙ АЙХЕНВАЛЬД

Мне шестьдесят лет. Я профессиональный литератор. Я переводил стихи и пьесы (среди последних — «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, впервые поставленный московским театром «Современник», «Соло для часов с боем» О. Заградника для МХАТ'а), писал и пишу статьи и книги о литературе и театре, — но стихов своих я не печатал, хотя пишу их давно. Так случилось не по моей вине.

ГАМЛЕТ В 1937 г.

А вы слышали песни
Соловьев в Соловках?
— Ну-ка, выстройся, плесень,
С кайлами в руках!
Ты, очкастый, чего невнимателен?
Исключаешься ты
Из рабочей семьи,
И катись ты с земли
К Божьей Матери!
И распались кружки,
Раздружились дружки,
Потому что история
Любит прыжки,
Потому что безумный
Плясун на канате
Ненавидит
Времен пресловутую связь.
— Датский принц!
Вашу шляпу и шпагу!
Копайте!
Ибо Дания ваша
Без боя сдалась.
И распались кружки,
Раздобрели дружки,
Потому что история
Любит прыжки.
По грошу
Положите в церковные кружки!
Помолитесь
За целые ваши горшки
Божьей Матери-Деве,
Пречистой старушке!
Датским принцем
Нельзя называться без Дании.
Вот земля и лопата —
Ваше «быть иль не быть».
Датский принц,
Что нелепей, смешнее, бездарнее,
Чем о званье, призванье своем
Не забыть?
Датский принц
Удаляется в смутные дебри.
Он лежит,
Умирает на призрачной койке.
Он молчит,
С королевским достоинством терпит, —
И, конечно, заплатит за все неустойки...
А в квартире
Кончалось счастливое детство:

Образованный мальчик,
Из хорошей семьи...
И за что-то
Ему перешло, как наследство,
Званье Датского Принца,
Короля
Без земли.

1961 г.

**ПРОЩАНИЕ
АЛЕКСАНДРУ ГАЛИЧУ**
Уезжают из России поэты,
Потому что наступила пора:
Видно, старая их песенка спета,
А у новой ни кола, ни двора.

Здесь российская тоска и отрада —
Спас на Кручах, на Песках, на Крови...
Разве много после этого надо?
Хочешь — мучайся, а хочешь живи!

Так и строятся ряды наших строчек.
С тем и катимся потом под откос.
Одиночество — приют одиночек.
Никому не разделить наших слез.

1975

Никому не удержать расставанья,
Налетевшего, как ветер в степи...
Пусть друг к другу поспешат на свиданье
Ненаписанные нами стихи.

1974 г.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА
И снова
В основе
Надгробного слова
Лежат мостовые чужих городов,
Глухие кордоны, заставы, засовы,
Кривая ухмылка:
— И этот готов.
От пули, от боли, от горького хлеба,
От сладкой свободы, от умных людей...
Ах, как ядовит этот нищенский жребий:
Незванный. Свободный. Ненужный. Ничей.
А только и дела: нечаянный случай, —
Отчаянный, сучий, — концов не найдешь...
А может и правда, — царевич в падучей
Наткнулся всем горлом на собственный нож?
И наши стихи не придут на свиданье.
Вот разве что эти пойдут за толпой

Кривою дорожкой к границе молчанья,
К границе забвенья, где прах и покой.
Осталось не то, что звучит и поется,
Пусть слава на ощупь тверда, как алмаз,
Нет, что-то другое от нас остается,
Что не было нами,
Но помнит о нас.

1971

Я не хочу ни зла, ни боли,
Но я хочу понять
и быть
Не горькой мыслью поневоле,
А страстью знать и не забыть.
И эта сила узнается
Людьми друг в друге каждый раз,
И ничего не остается.
Все заново родится в нас.
Так из волны возникнет пена,
Чтоб снова сделаться волной...
.....
Что, если жизнь моя — измена
Тому, что оказалось мной?

1975

Посвящаю В. Г.

Прошлое — это не я и не ты,
Прошлое — это и будет, и было,
Прошлое к нам дотянуло кресты,
словно цветы на солдатских могилах.
Будущего — ни на миг и нигде:
там пустота и отвесность обрыва
и человек на последней черте.
Может быть, снова окажемся живы?
И, подарив нам опору и свет,
прошлое
так из-под ног уплывает,
что получается шаг и ответ:
будущего
никогда не бывает.
Или оно как сочувствие есть
тем,
кого мы забываем и любим,
дар,
приношенье исчезнувшим людям,
памяти нашей сила и честь.

Апрель 1970